

Вас люблю

УХОДЯТ ПОСЛЕДНИЕ, ЧТО БЫЛИ ПЕРВЫМИ

Неприсоединившийся

Виктор Петрович Астафьев был опорной фигурой нашей жизни. Не то чтобы мы часто опирались на него, но знание, что такой человек живет и достижим, вселяло надежду, что и достойных людей рядом немало. Спокойней было с ним.

Он был не просто выдающимся русским писателем. Он был одним из достойнейших русских людей. Не примерял маски, не бегал в стае, не поддерживал и не разделял... Он жил сам в мощном своем неприсоединении. Без пародийного мессианства или самоуничтожения

перед идеей, цену которой знал. Ему не надо было любить народ. Он любил человека в этом народе, того, кого знал и понимал. Он жил среди рядовых не офицером и не генералом, а рядовым, различая достоинства, а не ранги.

Солдат войны, он вынес точное понимание разницы в оценках жизни носителя ее с винтовкой, плугом, сетью (если рыбак) и тех маршалов — военных и штатских, которые разменивали эту чужую жизнь на власть.

Откуда столько героических офицеров и генералов в военной

литературе, если в мирной жизни это безразличные чинуши, для которых человек — расходный материал. Не любил он знаменитых полководцев. И я не любил.

Сотни тысяч погибших при обороне Москвы — одна цифра. Сотни тысяч погибших при взятии Берлина — другая. Могли на два дня позже и на сотни тысяч меньше. Не считали.

А Виктор Петрович считал. И своими книгами и жизнью не давал округлять...

Юрий РОСТ

Причал прощания

«Всему свой час» — так, непрямо цитируя из Екклесиаста называет последняя картина петербургских документалистов Михаила Литвякова и Ирины Калининой о Викторе Астафьеве. Сюжет прост и сложен — корабль плывет по Енисею, Астафьев, вспоминая, плывет сквозь всю свою жизнь.

Фильм-путешествие был снят два года назад, но Литвяков, не успев его смонтировать, попал в автотравму, даго болел, работа была завершена только к нынешнему ноябрю. И вышло так, что в это время писатель подплыл к своему последнему берегу.

...Картину показали по РТР вечером того дня, когда умер Астафьев. Литвяков улетел в Красноярск, на похороны, Калинина, жена и соавтор всех его картин, осталась в Петербурге. Она вспоминала то, что осталось за кадром и вошло в кадр.

Первую картину о Викторе Петровиче Миша снял еще в 83-м году. Судьба ее была сложной. Сначала два года лежал сценарий, потом год не выпускали уже готовую картину. Все, по мнению властей, было в ней не так — и сам Астафьев, и текст Екклесиаста, который он читал в кадре, и снятый материал... Еще были живы тетки Виктора Петровича — о них речь в «Последнем поклоне» и в «Оде русскому огороду». Миша всех собрал: сидя за столом, они пели песню — пели замечательно, и была панорама по их ливным лицам...

Но нам сказали: почему в кадре так много железных зубов? Надо вырезать крупные планы!... Почему так много мрачного, тяжелого? Нужно высветлять. Пришлось вырезать, вставлять что-то, чтобы фильм приняли.

Позже, через десять лет, Миша снял еще один тридцатиминутный фильм «С Астафьевым за Шарь-рыбой». Их забросили вертолетом в гущу Сибири, и там Астафьев ловил рыбу (рыбак он был страстный) и попутно размышлял — шел 1994 год, Солженицын только вернулся, вышло его знаменитое «Как нам обустроить Россию».

Астафьев прямых вопросов о судьбах России не любил. Его жена тогда очень болела, и он в кадре Мише сказал: «Мне бы бабу мою поднять и сохранить, а ты меня спрашиваешь, как нам Россию обустроить...» Но думал-то он, конечно, об этом всегда, всю жизнь.

...Отношения наши сложились не сразу. Виктор Петрович мог быть и резким. Однажды снимаем в библиотеке, в Овсянке. Астафьев говорит замечательно, точно, образно. Миша взглядом спрашивает оператора: работает камера, всё в норме? Тот ему тоже глазами отвечает: всё в порядке. А Миша чувствует: что-то не то в звуке камеры. Оказалось, кусочек этикетки попал в коробку с пленкой, и всё — в брак. Миша подходит к Виктору Петровичу: такая незадача, надо бы всё повторить. А Виктор Петрович в ответ: «Я не попутай! И ничего повторять не буду!» Единственное что удалось — еще минут на двадцать продлить встречу с читателями.

Жизнь Астафьева — трагическая. Мать рано погибла. В конце 30-х годов с отцом оказался в Игарке. Отец болел, часто падал в больницу, и старшему сыну приходилось бесприторничать — мамочка, которая оставалась с младшим, было не под силу прокормить обоих.

На войне был ранен трижды. Возвращение с фронта было мучительным: с беременной женой их заперли в вагоне эшелона, вместе с кучей других фронтовиков.

«А после войны, — однажды обомлел он, — мне жилось так тяжело и так голодно, что я жалел иногда, что меня не убили». Младшая дочь умерла младенцем. Астафьев считал потому, что они не могли купить молока. Рану эту и вину нес через всю жизнь. А потом страшная потеря второй дочери. Вернулась с юга, легла отдохнуть и не проснулась. Остались дети — мальчик девяти и девочка пяти лет.

Виктор Петрович vez гроб из Вологды в Овсянку, родное село, возле Ленинград. Мы приехали в аэропорт, чтобы провести несколько часов с ним и с маленькой Полей, которая еще ничего не понимала и которую он взял с собой, потому что дома жена лежала без памяти... Из этой бесконечной драмы выработался его талант. Он создал себя сам. Был он, конечно, сызнала человек особенный. Вспоминая о детстве, рассказывал: «В праздники мне всегда хотелось плакать. Когда в избе собирались пить и плясать, я всегда залезал на полати и плакал, а бабушка говорила: порченый ты у нас, Витяка!»

Павел был обвинен в контрреволюционной деятельности, посажен, потом сослан в Игарку, в спецпереселенческий лагерь со всей своей огромной семьей. Астафьев в годы перестройки потребовал, чтобы ему объяснили, что ж там было в деловом деле, и получил ответ: обвинение не обоснованное.

С отцом отношения долго были сложные, полные обид, боли. В одной из своих книг он вспоминает, как приехал забрать отца к себе. Билеты на самолет достали в последний момент, уже убирали трап, они бежали по полю к самолету. Виктор Петрович бросил вещи, вскочил сам, обернулся и вдруг увидел, что отец без сил ползет по трапу. В этот момент, говорит он, я простил ему всё.

Мне и своему врачу он рассказывал замечательную историю. Отец поселился с ним в Вологде, где все писатели были прикреплены к поликлинике. И вот, говорит Астафьев, стою я в очереди в регистратуру, и вдруг мимо меня идет мой папа и, минуя очередь, сразу к окошку. Регистраторша спрашивает: «Вам что, дедушка?» Он говорит: «Я отец великого русского писателя Виктора Астафьева, мне надо талончик к глазному!» «Что мне, — говорил Виктор Петрович, — ослетавалось делать? Я поворачивался и уходил».

Жена — человек особой важности в жизни Виктора Петровича. В фильме мы попросили его рассказать, как он познакомился с Марией Семеновной. — Идут строем девки, она сзади всех, маленькая, и сапоги у нее пятками вперед — на ее 33-й размер ей 39-й выдавали, она в сапоги-то набьет тряпья, а они всё равно перевернутся. И я речею говорю: вот баба малыхольная. Моя будет!

А она рассказывала: из библиотеки, где она до войны работала, ей в честь прислали книги... — И вот я ему говорю: мы книги получили! А он: а я библиотекарь! А я так приходи и смотри... Так что на илейной-то почве у нас началось...

А конец этой съемки-рассказа был такой. В своем саду в Овсянке Астафьев посадил кедр, калину, рябину. И — подсолнухи. Жена ему говорит:

— Витя, срежь мне несколько подсолнухов! И вдруг он изменился в лице, все добродушие пропало: — Маня! Они ж только что расцвели, а ты уже тут!

Но сразу вспомнил, что у нее скоро день рождения, и пошутит:

— Маня, так, может, если я срежу, и подарок будет заодно?..

Стал подсчитывать, сколько лет они вместе. Оказалось, 60 или даже больше. Скоро, говорит, таких из Союза писателей начнут выгонять.

...Когда мы снимали первый фильм, Виктор Петрович был еще молодой, а съемочная группа, как известно, люди веселые. Вечером застолье, бутылка. Марии Семеновне это не нравилось. Однажды она резала что-то на кухне и вдруг сказала: «Михаил Сергеевич, у вас фильм, а у нас жизнь...» И Миша понял: надо быть осторожнее, побережь их... Им тогда уже сравнялось по 60, а надо было поднимать внучку и внука.

В Овсянку, родное село, в сорока километрах от Красноярска, в теснине Енисея, всегда стремился вернуться, и вернулся в середине 80-х. Там мы и начали снимать последний фильм. Потом три дня плыли вниз по Енисею до Игарки. Той степени доверия, которая раньше не было. В Викторе Петровиче жила потребность в воспоминаниях — и в слушателях. И ощущение, что больше не будет сил, чтоб повторить эту поездку.

...Году в 96-м он пришел к нам, на Фонтанку. И замечательно рассказывал о своем брате. Брат был сплавщик. Когда ему выписывали новый паспорт, девчонка-паспортистка сделала его на год моложе. А сил работать у него уже не было. Скольких бревна, вода ледяная: «Раньше я баб вылавливал багром, а теперь меня бабы вылавливают...» Астафьев, как ни любил обращаться к местному начальству, добился, чтобы восстановили верный год рождения. Но прожил брат недолго.

— И вот я пришел к нему, когда он умер, и вижу: ничего в избе нет, совсем ничего, пуста, голызна — жизнь пришла ниоткуда и ушла в никуда, без следов...

Но собственная жизнь Виктора Петровича — иная. Он оставил в своих книгах родно и современнику. А в Овсянке построил библиотеку и храм. Над старым кладбищем — на том месте, где когда-то был астафьевский надгробный памятник.

Записала Марина ТОКАРЕВА

И в небе стон стоит, протяжный стон

В субботу Красноярск прощался с Виктором Петровичем Астафьевым. За два часа через Краеведческий музей прошли 50 с лишним тысяч человек. Еще больше осталось снаружи, на 15-градусном морозе, и потому, перед дальней и последней дорогой на родину, в Овсянку, гроб еще немного постоял на площади перед музеем — чтобы проститься все.

В огромном зале Краеведческого музея выстроены макет казачьего челна — в натуральную величину, на палубе — человеческие фигуры в кафтане. И этот застывший театр, схвативший картинку четырехсотлетней давности, и рядом с ним — покойный в сопровождении маленького оркестра девичий хор, — всё во время прощания с писателем странным образом гармонировало с печалью события, делало его тихим и домашним. В почетном карауле мелькнул губернатор Лебедь и остался почти незамеченным текущей мимо гроба толпой. Какой-то мужичок, которого тактично пытались удержать и подтолкнуть к выходу охранники, всё кричал из угла: «Виктор Петрович, где справедливость? Вы ушли, а мы — остались...»

Овсянка

Деревня — в низине, между железной дорогой и Енисеем. Домики — как на ладони. Несведущие люди, проезжая, видят в Овсянке трехэтажный особняк и говорят: «Вот как живет новый-старый русский писатель Астафьев!» А это вовсе даже не коттедж. Это сельская библиотека (на 35 тысяч «единиц хранения», это в селе-то!), построенная, впрочем, действительно Астафьевым. Как и деревянная часовня с отдельно стоящей колокольней. Внутри которой — крутая лесенка, ведущая к сплетению веревков, торчащих из разинутых ртов четырех бронзовых колоколов. Нарывный звон накрывает и деревню, и незамаренный Енисей среди белых уже берегов, и выгружившихся из автобусов провожателей во главе с губернатором опять же. Людской поток сделал бесповоротной тесной улицу Шетинкина, ведь местные тоже ждали — чтобы проститься, и теперь теснили городских на подступах к дому № 26, настоящему дому Астафьева. Маленькому и скромному, даже бедноватому, где внутри — кабинет, в котором не развернешься, огром-

ная печь и коричневая медвежья шкура на полу.

Местная жительница Анна Сосновская рассказывает: «Он любил по берегу гулять. Аккурат мимо моего дома ходил. Потом, как болеть стал, почти его не видела. Даже табличка висела на дверях: «Прошу не беспокоить, я болен...»

Народ шел к нему за всякой надобностью. Потому что он слушал хорошо. Соседская бабушка могла прийти, если плохо себя чувствовала. Он ей давление измерит, улыбнется: «Иди, жить будешь...»

Однако же не врачом, в самом деле, работал писатель. Знает ли Овсянка его книги? Ирина Владимировна, экскурсовод-лектор местного музея, роман «Прокляты и убиты» не читала и читать не будет, говорит: «Не могу, слишком тяжело».

Астафьев завещал свой домик библиотеке. Сегодня там образовался музей — как только вынесли тело.

Деревенское кладбище выглядит убогим, однако под снегом — следы вывороченных оградок. Бетонировать бесполезно — цветной лом. Этот летом таким вот образом надругались над могилкой дочери Астафьева, писателя эта история здорово подкосила. Рядом с памятником Ирине сейчас чернеет яма для отца. На ее краю стоит без шапки, час уже, Алексей Петренко и не замечает мороза. Рядом — Кирилл Лавров, в тонком пальтишке. Как-то пожилая женщина местная узнала артиста, встала впереди, пыталась заговорить от ветра, непрерывно задывающего с ветра. Оба артиста признались потом — они не были близкими друзьями писателя. Про-

сто несколько раз встречались, потом переставались.

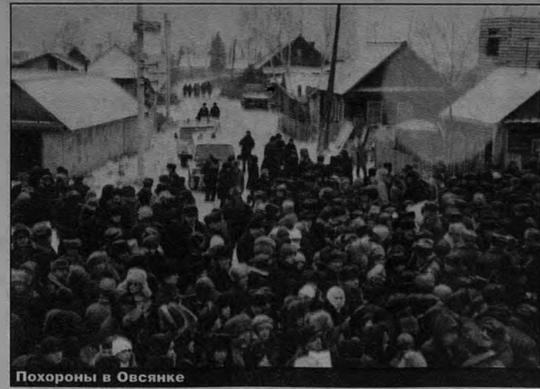
— У Астафьева был ужасно неразборчивый почерк, — грустно улыбается Кирилл Лавров, — когда я получал от него письмо, клал рядом чистый лист и начинал расшифровывать — по одному слову...

Они не были близкими друзьями. Но не приехать не могли.

— Многие его ненавидели, терпеть не могли, — сказал Лавров. — Зато, что он всегда правду говорил. Я знаю, что он очень тяжело переживал, когда случилась эта безумная — я другого слова не могу подобрать — история. Они, эти мерзавцы из краевой Думы, отказали ему в какой-то прибавке к пенсии. Как они могли? Они бы представили себе на секунду то, что произошло вчера. Когда тысячи людей шли на поклон к этому человеку.

Эти...

Летом Законодательное собрание края решило крупно сэкономить: коллестивными усилиями коммунистов и примкнувших к ним разномастных радетелей блага народного была «зарублена» трехтысячная прибавка к пенсии Виктору Астафьеву. Которой он сам, впрочем, никак не добивался. Друг писателя Петр Столяренко сидел у постели сильно болевшего Виктора Петровича, работал телевизор, шли «дебаты». Писателя клеймили как ненавистника родины, врага народа. Говорили с трибуны: «Опора... Оболгал... Недостойн...» И большой Астафьев не выдержал, страшно закричал: «Да не нужны ведь мне их деньги! Как они могут...»

Похороны в Овсянке

Мастер о Мастере

Года полтора назад Юрий Буртин и Игорь Виноградов попросили литераторов разных поколений ответить на вопрос анкеты «Твардовский сегодня»: «Ваш нынешний взгляд на творчество и редакторскую деятельность Твардовского, на роль и значение «Нового мира» 60-х годов в развитии литературы и общества, в вашей собственной творческой судьбе».

Виктор АСТАФЬЕВ был одним из первых, кто откликнулся на просьбу составителей. Его ответ вместе с другими войдет в сборник, который готовится к печати.

У меня долгое время не складывались отношения с «Новым миром», я попросту — не «тянул» до его высокого уровня. А когда «потянул», дела у журнала уже пошатнулись, за углом стояли оглобленные полномочные люди и ждали, за что бы оглушить Твардовского и его бравую команду. В этот период я предложил журналу повесть «Кража». Ее одобрили, что-то мне даже выплатили в виде аванса, но потом долго ждали подходящего момента. Дело кончилось тем, что с согласия «Нового мира» я передал повесть в журнал «Сибирские огни», и Александр Григорьевич Дементьев — зам Твардовского, пообещал и дал в журнале на мою повесть положительную рецензию. «А у нас бы напечатался, тебя бы заклевали и держали бы на подозрении, как и всех наших авторов», — говорил Дементьев, с кото-

рым я остался дружен до конца его дней, и эта дружба как бы по наследству перешла к Кондратовичу и Лакинцу.

Самого Александра Трифоновича я видел вблизи и беседовал с ним пятнадцать минут. Но и встреча, и беседа остались в моем сердце навсегда. Я уже писал об этом и печатал, оттого не буду повторяться. Скажу лишь в заключение, что Твардовский дисциплинировал нашу колленепроценную литературу своим творчеством и трудом на посту редактора, задавая высокий тон, утвердил строгий спрос с авторов, как рачительный хозяин, держал в чистоте рабоче место. При нем, слышал я от человека, входившего в литературные сферы, даже руководящая писательская шобла подтягивалась, не могла себе позволить всего того, что ей дано было позволять.

Полное отсутствие ответственности за слово и дело, разболтанность, необязательность, самовосхваление, царствование литературного ширпотреба сделало возможным в наши дни потому, что нет в нашем литературном хозяйстве того, кто доглядывал бы и направлял это самое хозяйство, кого почитали бы как высочайший авторитет и побаивались бы в его присутствии портить воздух даже сиятельные лица.

А они могли. Могут и сейчас. Спрашиваю депутата Юрия Абакумова — откуда жестокость такая и мстительность?

— Сам я голосовал «за» — все-таки он великий наш гражданин. Но знаю, многие Астафьева ненавидят. Дело в том, что в своих произведениях он допускал крен. Вот, к примеру, описывает негодяя политрука. Можно подумать — все политруки были плохие. А среди них были и хорошие. Как себя теперь чувствуют эти депутаты? Хорошо чувствуют!

У законодателей местных — визитные карточки с изображением льва (губернский герб). Вроде — львиные сердца. Однако настоящая храбрость им требовалась не тогда. Она им, наверное, требуется сегодня. Чтобы, к примеру, смотреть в глаза местной жительнице Наталье Вельмишевой, диспетчеру «коммунального сектора»:

— Когда я прочитала, что речь идет о тех тысячах, удивилась, подумала: сколько бы он ее получал! Все-таки пять месяцев. А мы ее не могли дать. Стыдно, конечно. Это ведь ничего не стоило для нашего края. Мы ведь такие деньги в никуда тратим.

— Так могли поступить только подонки, — сказал мэр Красноярска Петр Пимашов. — Когда я узнал — неделю не мог на глаза Виктору Петровичу показываться. Стыдно было. Я ведь когда решение какое-нибудь непопулярное принимаю, приходится делать и такое, всегда выжидаю неделю-другую: если Астафьев молчит — действова, если он голос поднимает против — отменяю... А теперь и не с кем советоваться стало.

Виктор Петрович Астафьев очень любил футбол. В городе много лет проводились первенства, его имени и на его деньги, дворовых команд. «Надо было видеть глаза детей!» — говорит мэр.

А еще писатель любил местную речку Ману, напрочь забитую топьяками, — добился запрета на сплав. Сейчас в реке появились раки, что свидетельствует о чистоте воды.

Как-то раз Астафьев написал стихи, посвященные фронтовому другу, погибшему на войне. Композитор Владимир Потоцкий написал музыку, получился красивый романс. Там есть слова: «И улетают птицы, нами недобитые, / и в небе стон стоит, протяжный стон, / так пролетают годы, нами недожитые...»

Александра САМАРИНА